

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ, — ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕКРЕАЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 911.3

В.Ю. Кузин¹

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

БЮДЖЕТНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: НЕРАВЕНСТВО И ПОЛЯРИЗАЦИЯ

Аннотация. На региональное развитие российских регионов в постсоветское время стали оказывать взаимовлияние два процесса: фактор унаследованного развития и формирование рыночной экономической системы. Первый сформировал «стартовые» условия и возможности. Второй сделал важнейшие рыночные факторы как наличие конкурентных преимуществ, востребованность рынком, качество человеческого капитала и др. детерминантами социально-экономического развития. Это неизбежно сказалось и на уровне бюджетной обеспеченности.

Необходимо понимать, что неравномерность развития ведет к формированию территориального неравенства. Оно, в силу ограниченного набора конкурентных преимуществ, способствует формированию значительной дифференциации, принимающей и крайнюю форму – поляризацию. Она, в силу своего комплексного характера, применима в отношении практически любого вида человеческой деятельности. Относится это и к бюджетной обеспеченности.

Для ее определения в статье были использованы статистические данные по регионам России за 2000-2016 годы – сальдо доходов и расходов бюджетов регионов в расчете на численность населения. Полученные результаты за каждый из годов исследуемого периода были усреднены для получения конечного результата.

Расчет бюджетной обеспеченности продемонстрировал существенную дифференциацию регионов по данному показателю. Для абсолютного большинства из них были характерны отрицательные значения (дефицит), и лишь для небольшого числа регионов – положительные (профицит).

С целью более подробного анализа была проведена классификация регионов по уровню бюджетной обеспеченности. Полученные восемь классов были проанализированы и выявлены основные факторы профицита бюджетной обеспеченности – нефтегазовая рента и процесс метрополизации.

Ключевые слова: рынок, регион, неравенство, поляризация, конкурентные преимущества, бюджетная обеспеченность, дефицит, профицит, метрополизация, нефтегазовая рента.

V.Yu. Kuzin

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Budget provision of Russian regions: inequality and polarization

Abstract. In the regional development of the Russian regions in the post-Soviet period, two processes began to interact: the factor of inherited development and the formation of a market economic system. The first formed the “starting” conditions and opportunities. The second made the most important market factors as the presence of competitive advantages, the demand for the market, the quality of human capital, and other determinants of socio-economic development. This inevitably affected the level of budgetary security.

It is necessary to understand that uneven development leads to the formation of territorial inequality. Due to a limited set of competitive advantages, it contributes to the formation of a significant differentiation, which

¹ КУЗИН Вадим Юрьевич – к.г.н., ответственный секретарь серии научных журналов «Арктика XXI век», СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: vadim-13.06@yandex.ru

KUZIN Vadim Yurievich – Candidate of Geographical Sciences, Executive Secretary, Series of scientific journals “Arctic of the XXI Century”, M.K. Ammosov North – Eastern Federal University.

E-mail: vadim-13.06@yandex.ru

assumes and the extreme form – polarization., Because of its complex nature, it is applicable to almost any kind of human activity, including budgetary security.

To determine it, the article used statistical data for the Russian regions for 2000-2016: the balance of revenues and expenditures of regional budgets based on the population. The results obtained for each of the years of the study period were averaged to obtain the result.

The calculation of budgetary security demonstrated a significant differentiation of the regions by this indicator. For the absolute majority of them, negative values (deficit) were characteristic, and only for a small number of regions – positive (surplus).

For the purpose of more detailed analysis, the regions were classified according to the level of budget provision. The eight classes obtained were analyzed and the main factors of the budgetary provision surplus – oil and gas rent and the process of metropolization – were identified.

Keywords: market, region, inequality, polarization, competitive advantages, budget security, deficit, surplus, metropolisation, oil and gas rents.

Введение

Россия обладала и обладает выраженной региональной спецификой. Огромная территория страны, расположенная в разных орографических, климатических, культурно-исторических условиях обусловила такое разнообразие. В результате формируется разнонаправленная динамика регионального развития. На неё оказывают влияния два взаимоналагаемых тренда: фактор унаследованного развития и формирование рыночной экономической системы. Их совокупным результатом становится неравномерность развития, обусловленная не только и не столько природными, сколько социально-экономическими конкурентными преимуществами. Они имеют выраженную пространственную диспропорцию, детерминирующую возможности и перспективы регионов.

Одним из следствий неравномерности регионального развития России становится их резко-неравномерная бюджетная обеспеченность, принимающая степень крайней дифференциации – поляризации. Целью данной статьи является анализ различий в бюджетной обеспеченности, понимаемой в данном случае как сальдо доходов и расходов регионов в расчете на одного жителя. Показатель рассчитывался для каждого года за период 2000-2016 гг. и усреднялся для получения конечного результата.

Неравенство и поляризация: дефиниции в науке

Развитие всегда неравномерно. Объясняется это целым спектром теорий – центрально-периферийной (поляризованного развития), кумулятивного роста, креативных городов, новой экономической географии, экспортной базы, гибкой специализации и т.д. [1-6]. Несмотря на различную аргументацию, данные теории постулируют неизбежность неравномерности развития, порождаемую объективными факторами.

В то же время необходимо понимать – неравномерность развития ведёт к неравенству, а оно может способствовать формированию процесса крайней дифференциации, проявляющейся как поляризация.

Дефиниция «территориальное неравенство» обратно «территориальной справедливости» (введено Дэйвисом в 1968 г. [7]). Под ней понимается равный доступ жителей различных территорий к благам и услугам. Территориальная справедливость предполагает наличие «приемлемых норм различий в распределении ресурсов (как властных, так и финансово-экономических) между регионами» [8, с. 247].

Таким образом, под территориальным неравенством следует понимать дифференциацию в уровне развития общества, ведущее к формированию у жителей разных территорий неодинакового доступа к благам и услугам. Формируется оно вследствие концентрации конкурентных преимуществ и последующего территориального разделения труда. Необходимо отметить, что проблема территориального неравенства характерна для всех крупных стран мира, включая и Россию в силу её пространственных и исторических особенностей [9].

В условиях рыночной экономики бизнес стремится к снижению издержек и максимизации прибыли. Достигается это в силу использования конкурентных преимуществ, которые можно генерализовать в две группы – «первой природы» (природные – геоположение, наличие ресур-

сов) и «второй природы» (результат человеческой деятельности – инфраструктура, человеческий капитал, агломерационный эффект, институты и т.д.) [10]. Таким образом, формируется ограниченный набор конкурентных факторов, что в условиях формирующейся рыночной российской экономики, не только подстёгивает территориальное неравенство, но и способствует формированию пространственной поляризации.

В связи с актуальностью исследования этого процесса у представителей общественной географии и экономистов есть широкий спектр дефиниций:

- универсальный феномен региональной экономики, представляющий собой совокупность объективных и субъективных факторов, приводящих к чрезмерной территориальной неравномерности в ресурсной обеспеченности, способах и результатах экономической активности [11];
- «разделение [территории] на части, в том или ином смысле противоположные по качеству и местоположению, но взаимосвязанные и не существующие одна без другой» [12, с. 163];
- особая система «экономических отношений по поводу преимуществ территориальных факторов в системе общественного воспроизводства» [13, с. 340].

Не ставя под сомнение все эти определения, в данной работе будет использовано следующее: поляризация – процесс крайней дифференциации, когда формируются «полюса» с положительными (наиболее благоприятными) и отрицательными (наименее благоприятными) значениями при одновременном «истончении» средних показателей [1]. Именно в деградации медианных показателей заключается отличие поляризации от собственного неравенства, равно как и от дифференциации и пространственной асимметрии. Поляризация обладает комплексным характером в силу взаимосвязей экономических, социальных, инфраструктурных, экистических процессов. Поэтому методологически верно выделение разных типов поляризации, проявляющихся фактически в любой человеческой деятельности, включая и бюджетную поляризацию.

Бюджетная обеспеченность российских регионов: анализ показателя

Для определения бюджетной обеспеченности регионов за каждый из годов исследуемого периода – 2000-2016 гг. – было рассчитано сальдо доходов и расходов бюджета регионов в расчете на одного жителя. После этого полученные результаты усреднились за весь исследуемый период. Результаты отображены на рис.

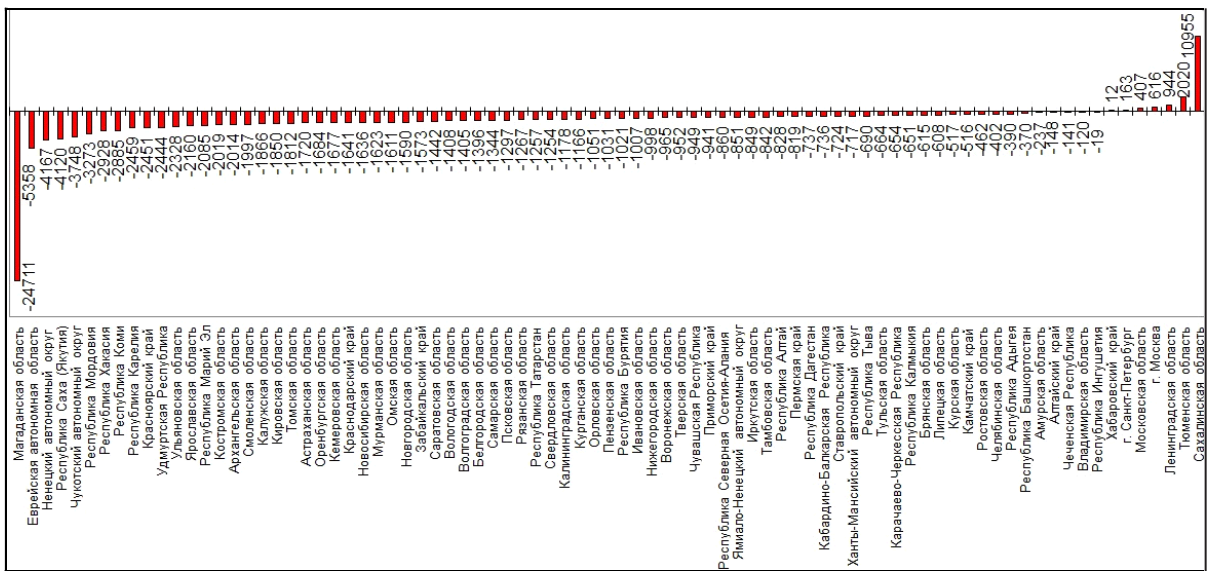

Рис. Средняя бюджетная обеспеченность российских регионов за 2000-2016 гг. в расчете на одного жителя (сост. по [14-16])

Примечания: названия регионов указаны современные; Республика Крым и г. Севастополь не учитывались из-за неполноты данных за весь исследуемый период; данные по Тюменской области и её автономным округам приведены отдельно.

Обращает на себя внимание дефицитность в бюджетном обеспечении у абсолютного большинства регионов – 76и из 83х. При этом к данной группе относятся и большинство нефтегазодобывающих регионов из-за высокого уровня расходов. Из пяти наиболее дефицитных регионов, четыре дальневосточные, что указывает и на недостаточно проработанную бюджетную политику (осложняемую геоположением, природными и климатическими условиями), и на несовершенную региональную политику (когда значительное изъятие налоговой базы уменьшает доходы региона). При этом у двух дальневосточных регионов профицит бюджетной обеспеченности, включая и максимальный результат Сахалинской области (обусловленный нефтегазовой рентой при небольшой численности населения).

В то же время необходимо отметить, что масштабная перераспределительная бюджетная политика в РФ позволила сгладить разницу в данном показателе, которая без подобного подхода была бы выражена сильнее. Однако возможности такой политики в силу экономического кризиса снизились, и сомнительно, что могут значительно улучшиться [17].

Классификация бюджетной обеспеченности российских регионов

С целью более подробного анализа бюджетной обеспеченности российских регионов была проведена их классификация по этому показателю.

Классификация – это понятие, «означающее такую форму систематизации знания, когда вся область изучаемых объектов представлена в виде классов, или групп, по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определённых свойствах» [18, с. 255]. Классификация решает две основные задачи: включает в себе максимально возможную информацию об объектах и представляет в удобном для обозрения виде всю изучаемую область [18].

Результат классификации российских регионов по бюджетной обеспеченности отражен в табл.

Таблица

Классификация регионов России по бюджетной обеспеченности (в среднем за 2000-2016 гг. в расчете на 1 жителя), руб. (сост. по [14-16])

Класс бюджетной обеспеченности	Величина бюджетной обеспеченности, руб. на 1 чел.	Кол-во субъектов	Субъекты РФ
Максимально-высокого дефицита	-24711	1	Магаданская обл.
Высокого дефицита	-4023,25 – -5358	3	Еврейская авт.обл., Ненецкий АО, Респ. Саха (Якутия)
Значительного дефицита	-2688,5 – -4023,25	4	Чукотский АО, Респ. Мордовия, Респ. Хакассия, Респ. Коми
Среднего дефицита	-1353,75 – -2688,5	25	Респ. Карелия, Красноярский край, Респ. Удмуртия, Ульяновская, Ярославская обл., Респ. Марий Эл, Костромская, Архангельская, Смоленская, Калужская, Кировская, Томская, Астраханская, Оренбургская, Кемеровская обл., Краснодарский край, Новосибирская, Мурманская, Омская, Новгородская обл., Забайкальский край, Саратовская, Вологодская, Волгоградская обл., Белгородская обл.
Минимального дефицита	-19 – -1353,75	43	Самарская, Псковская, Рязанская обл., Респ. Татарстан, Свердловская, Калининградская, Курганская, Орловская, Пензенская обл., Респ. Бурятия, Ивановская, Нижегородская, Воронежская, Тверская обл., Респ. Чувашия, Приморский край, Респ.

			Респ. Северная Осетия-Алания, Ямало-Ненецкий АО, Иркутская, Тамбовская обл., Респ. Алтай, Пермский край, Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская Респ., Ставропольский край, Ханты-Мансийский АО, Респ. Тыва, Тульская обл., Респ. Карачаево-Черкессия, Респ. Калмыкия, Брянская, Липецкая, Курская обл., Камчатский край, Ростовская, Челябинская обл., Респ. Адыгея, Респ. Башкортостан, Амурская обл., Алтайский край, Респ. Чечня, Владимирская обл., Респ. Ингушетия
Минимального профицита	12-1016	5	Хабаровский край, г.Санкт-Петербург, Московская обл., г.Москва, Ленинградская обл.
Значительного профицита	1016-2020	1	Тюменская обл.
Максимально-высокого профицита	10955	1	Сахалинская обл.

Рассмотрим каждый из этих классов подробнее:

1) максимально-высокого дефицита – представлен единственным регионом – Магаданской областью. Длительная стагнация экономики, основанной на добыче природных ресурсов, в условиях крайне-высоких затрат на осуществление экономической деятельности, даже несмотря на значительную убыль населения, создала негативный тренд в бюджетной обеспеченности. На это также накладывалась периферийность геоположения и отсутствие значимых стимулов для поддержки развития бизнеса;

2) высокого дефицита – три региона, удаленных от экономических центров страны. Несмотря на колебания бюджетной обеспеченности (по некоторым годам у регионов отмечается профицит), высокие расходы приводят к высокой дефицитности бюджетной обеспеченности;

3) значительного дефицита – четыре субъекта федерации. Характеризуются практически постоянным дефицитом бюджетной обеспеченности в течение исследуемого периода, притом иногда – крайне высоким;

4) среднего дефицита – многочисленная группа из 25 субъектов. Дефицит их бюджетной обеспеченности существенно ниже предшествовавших классов, однако, это устойчивый тренд;

5) минимального дефицита – самый многочисленный из классов – 43 субъекта, расположенных по всей стране. Характеризуются профицитом-дефицитом в разные годы, несмотря на общий тренд дефицитности бюджетной обеспеченности;

6) минимального профицита – пять регионов страны. За исключением Хабаровского края, это главные агломерации страны с их ближайшим окружением. Таким образом, можно утверждать, что искусственно не сдерживаемый фактор статусности привёл к положительному экономическому эффекту для данных территорий. Это произошло под влиянием процесса метрополизации – заключающегося в формировании и развитии метрополий, т.е. универсальную в конкретных геопространственных формах способность территории контролировать (экономически, политически, социально-культурно) другие территории [19]. В современных российских условиях метрополизация приобрела устойчивый «москвоцентрический» характер, и, в гораздо меньшей степени – «петербургоцентрический». Соответственно, социально-экономическое развитие двух крупнейших российских городов с их агломерациями ускоряется, во многом «замыкая» на себя ресурсы всей страны, что неизбежно положительно сказывается именно на их бюджетной обеспеченности;

7) значительного профицита – единственный регион – Тюменская область. Сбалансированная бюджетная политика этого нефтегазодобывающего региона позволила достигнуть существенно-профицитного уровня бюджетной обеспеченности;

8) максимально-высокого профицита – также один регион – Сахалинская область. Подобный результат достигается за счёт использования нефтегазовой ренты, в значительной мере остающейся в региональном бюджете, что в сочетании с невысокой численностью населения и формирует такой высокий профицит.

Заключение

В результате анализа бюджетной обеспеченности российских регионов (определяемой как сальдо доходов и расходов регионов в расчете на одного жителя за каждый из годов периода 2000-2016 гг. и усредняемого за указанный период) можно сделать следующие выводы:

- размах вариации показателя достигает 2,26 раз. С учетом выраженной региональной специфике и «разноскоростным» встраиванием регионов в рыночную экономическую систему, а, соответственно – формированием резко-дифференцированного экономического пространства, – это небольшая величина. Объяснить это можно лишь масштабной перераспределительной политикой, возможности которой сократились [17];

- абсолютное большинство регионов – 76-и из 83-х – имеют дефицит бюджетной обеспеченности. Его базисом выступает высокий уровень расходов, мало корреспондирующий с уровнем доходов;

- классификация бюджетной обеспеченности позволяет выделить восемь классов, значительно отличающихся друг от друга. Однако количественно они демонстрируют тенденцию к формированию полюсов с резко положительными и резко отрицательными показателями – что говорит о поляризации в бюджетной обеспеченности;

- в современных условиях профицит бюджетного обеспечения продуцируют два фактора – нефтегазовая рента и процесс метрополизации;

- в таких условиях неравенство в бюджетном обеспечении имеет объективный характер, конвергенция по этому показателю возможна лишь в незначительной мере, особенно с учётом северной специфики страны, без учета которой диспаритет экономического, социально, бюджетного развития может лишь усугубиться [20].

Таким образом, бюджетная обеспеченность российских регионов, продуцирующая и продуцируемая региональным развитием, приобрела устойчивые черты поляризации, и, соответственно – выраженного неравенства.

Литература

1. Кузин, В. Ю. Социально-географическая поляризация в системе расселения Воронежской области : дис. ... к.геогр.н.: 25.00.24 / В.Ю. Кузин. – Санкт-Петербург, 2013. – 228 с.
2. Зубаревич, Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. Москва : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
3. Мюрдаль, Г. Современные проблемы «третьего мира». Драма Азии / Г. Мюрдаль. – Москва : Прогресс, 1972. – 767 с.
4. Трунин, С. Н. Пространственная поляризация регионов России как условие обострения социальных интересов и возможностей общества / С.Н.Трунин, Д.В.Урманов // Региональные исследования. – 2011. – № 4 (34) – С. 67-72.
5. Florida, R. Cities and the Creative Class / R. Florida // City & Community/ American Sociological Association. – March 2003. – Vol. 2, iss. 1. – P. 3-19.
6. Гаджиев, Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития / Ю.А. Гаджиев // Экономика региона. – 2009. – № 2. – С. 45-62.
7. Davies, B. Social needs and resources in local services: a study of variations in standards of provision of personal social services between local authority areas / B. Davies. – London : Michael Joseph, 1968. – 371 p.
8. Гонтарь, Н. В. Подходы к формированию концепции территориальной справедливости / Н.В. Гонтарь // Вестник АРГО. – 2013. – № 2. – С. 245-259.
9. Юманова, У. В. Региональная оценка социально- экономического неравенства / У.В. Юманова // Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология. – 2016. – № 3. – С. 57-60.
10. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. – Москва : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
11. Кетова, Н. П. Региональная экономика: универсальный учебный экономический словарь / Н.П. Кетова, В.Н. Овчинников. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 247 с.

12. Родоман, Б.Б. Территориальные ареалы и сети – очерки теоретической географии / Б.Б. Родоман. – Смоленск : Ойкумена, 1999. – 256 с.
13. Гатауллин, Р. Ф. Сущность, специфика и основные факторы поляризации территориальных систем / Р.Ф. Гатауллин, А.Г. Каримов, С.Ш. Аслаева // *Фундаментальные исследования*. – 2017. – № 4 (часть 2). – С. 339-343.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 : стат. сб. – Москва : Росстат, 2008. – 999 с.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. – Москва : Росстат, 2012. – 990 с.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 : стат. сб. – Москва : Росстат, 2017. – 1402 с.
17. Зубаревич, Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики / Н.В. Зубаревич // *Мир новой экономики*. – 2017. – № 2. – С. 16-57.
18. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. – Москва : Мысль, 2001. – 634 с.
19. Дружинин, А. Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте / А.Г. Дружинин // *Известия РАН. Серия географическая*. – 2014. – № 1. – С. 19-27.
20. Кузин, В. Ю. Концепты социальной географии: северное измерение / В.Ю. Кузин // *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. – 2015. – № 1 (4). – С. 25-29.

References

1. Kuzin, V. Iu. Sotsial'no-geograficheskaja polarizatsiia v sisteme rasseleniia Voronezhskoi oblasti: dis. ... k.geogr.n.: 25.00.24 / V.Iu. Kuzin. – Sankt-Peterburg, 2013. – 228 s.
2. Zubarevich, N. V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiia / N.V. Zubarevich. – Москва : Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, 2010. – 160 s.
3. Miurdal', G. Sovremennye problemy «tret'ego mira». Drama Azii / G. Miurdal'. – Moscow : Progress, 1972. – 767 s.
4. Trunin, S. N. Prostranstvennaia polarizatsiia regionov Rossii kak uslovie obostreniia sotsial'nykh interesov i vozmozhnostei obshchestva / S.N.Trunin, D.V.Urmanov // *Regional'nye issledovaniia*. – 2011. – № 4 (34) – S. 67-72.
5. Florida, R. Cities and the Creative Class / R. Florida // *City & Community/ American Sociological Association*. – March 2003. – Vol. 2, iss. 1. – P. 3-19.
6. Gadzhiev, Iu. A. Zarubezhnye teorii regional'nogo ekonomicheskogo rosta i razvitiia / Iu.A. Gadzhiev // *Ekonomika regiona*. – 2009. – № 2. – S. 45-62.
7. Davies, B. Social needs and resources in local services: a study of variations in standards of provision of personal social services between local authority areas. – London : Michael Joseph, 1968. – 371 p.
8. Gontar', N.V. Podkhody k formirovaniu kontseptsii territorial'noi spravedlivosti / N.V. Gontar' // *Vestnik ARGO*. – 2013. – № 2. – S. 245-259.
9. Iumanova, U. V. Regional'naia otsenka sotsial'no- ekonomicheskogo neravenstva / U.V. Iumanova // *Vestnik VGU. Seriya: Geografiia. Geoekologiiia*. – 2016. – № 3. – S. 57-60.
10. Zubarevich, N. V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiia / N.V. Zubarevich. – Moscow : Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, 2010. – 160 s.
11. Ketova, N. P. Regional'naia ekonomika: universal'nyi uchebnyi ekonomicheskii slovar' / N.P. Ketova, V.N. Ovchinnikov. – Rostov-na-Donu : Feniks, 2006. – 247 s.
12. Rodoman, B.B. Territorial'nye arealy i seti – ocherki teoreticheskoi geografii / B.B. Rodoman. – Smolensk : Oikumena, 1999. – 256 s.
13. Gataullin, R. F. Sushchnost', spetsifika i osnovnye faktory polarizatsii territorial'nykh sistem / R.F. Gataullin, A.G. Karimov, S.Sh. Aslaeva // *Fundamental'nye issledovaniia*. – 2017. – № 4 (chast' 2). – S. 339-343.
14. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2008 : stat. sb. – Moscow : Rosstat, 2008. – 999 s.
15. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2012 : stat. sb. – Moscow : Rosstat, 2012. – 990 s.
16. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017 : stat. sb. – Moscow : Rosstat, 2017. – 1402 s.
17. Zubarevich, N. V. Razvitie rossiiskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noi politiki / N.V. Zubarevich // *Mir novoi ekonomiki*. – 2017. – № 2. – S. 16-57.
18. Novaia filosofskaia entsiklopediia : v 4 t. T. 2. – Moscow : Mysl', 2001. – 634 s.
19. Druzhinin, A. G. Metropolii i metropolizatsiia v sovremennoi Rossii: kontseptual'nye podkhody v politiko-geograficheskom kontekste / A.G. Druzhinin // *Izvestiia RAN. Seriya geograficheskaja*. – 2014. – № 1. – S. 19-27.
20. Kuzin, V. Iu. Kontsepty sotsial'noi geografii: severnoe izmerenie / V.Iu. Kuzin // *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. – 2015. – № 1 (4). – S. 25-29.